

Глава 9. Ингибиторы

С того самого дня пушистый комок, казалось, окончательно привязался к Чэн Си. Птенец то неуклюже порхал по внутреннему дворику, упражняясь в полетах, то по-хозяйски обосновывался в комнате юноши, нахально требуя еды, внимания и совместных водных процедур.

В стенах этого замка Чэн Си приходилось взвешивать каждое слово и жест, гадая, не выдаст ли его какая-нибудь оплошность. Подобное напряжение изматывало, и потому к маленькому существу, обладавшему зачатками разума, он прикипел всей душой.

Дружба человека и птицы крепла с каждым часом. Вскоре «пушистый комок» получил официальное имя — Уголёк.

Чэн Си никогда особо не интересовался орнитологией, да и в прежней жизни с пернатыми дел не имел, а потому даже не задумывался, к какому виду принадлежит его питомец. Прозрение наступило в один из тех дней, когда он снова позволил себе лишний час сна. Родни вошел в комнату без стука, и Чэн Си, мгновенно пробудившись, резко сел в постели.

Странно, но управляющий не стал, по своему обыкновению, вытаскивать подопечного из-под одеяла, сопровождая это нравоучениями. Напротив, он замер и приложил палец к губам, призывая к тишине.

Проследив за взглядом старика, Чэн Си увидел мирно спящего Уголька. Он недоуменно указал на птицу, но Родни, бесшумно распахнув окно, вытянул его из комнаты.

— Что случилось? — шепотом спросил Чэн Си, едва они оказались в коридоре.

Родни вытащил платок и отер выступивший на лбу пот.

— Чёрный воробей — птица крайне злопамятная. Если такой гость залетел в дом, его ни в коем случае нельзя тревожить. Нужно просто тихо ждать, пока он соизволит убраться сам. Стоит лишь раз доставить ему дискомфорт, и он начнет преследовать вас годами: будет закидывать пометом, портить вещи и устраивать в доме настоящий хаос. О том, чтобы открыть окно, высушить белье или оставить что-то во дворе, можно будет забыть навсегда.

— Странно... — пробормотал Родни, хмурясь. — Над замком установлена лазерная сеть. Не пойму, как эта тварь просочилась внутрь.

— И при таком скверном характере вы их до сих пор не перебили? — Чэн Си невольно усмехнулся, вспоминая их первую встречу.

— Чёрный воробей — вид, находящийся под строгой государственной защитой, — отрезал

Родни. — За причинение им вреда грозит серьезная ответственность.

— Надеюсь, их занесли в Красную книгу не из-за того, что их всех поубивали за несносный нрав? — пошутил Чэн Си. К его удивлению, старик молча кивнул.

Юноша едва сдержал смех. От неосторожного движения дверь ударилась о стену с гулким грохотом. Уголёк, доселе мирно дремавший на подушке, встрепенулся, расправил бока и открыл глаза.

Родни едва не выронил платок, с опаской глядя на пернатую угрозу. Но Чёрный воробей, пошатываясь, сделал пару шагов, взмахнул крыльями и опустился на плечо Чэн Си. Птенец ласково потерся головой о щеку юноши и издал звонкое:

— Пси-и-ик!

Чэн Си почесал Уголька под клювом и улыбнулся ошеломленному управляющему:

— Ну и чего в них страшного? Посмотрите, какой он милый.

— Пси-и-ик! — Уголёк внезапно перепрыгнул на Родни, оставил на его плече теплое «послание» и тут же нырнул обратно в руки Чэн Си.

Родни развернулся и ушел, в смятении забыв даже отчитать юношу за пропущенный семейный завтрак.

Тем же вечером герцог Осмонд, только что вернувшийся из поездки, вызвал верного управляющего в свой кабинет. Вид у него был изможденный, а в глазах застыла усталость.

— Как обстоят дела с Чэн Си? Тянуть со вторым принцем больше нельзя, — герцог отбросил светские любезности, переходя сразу к сути.

— Молодой господин в общих чертах усвоил этикет. С историей, обычаями и законами Империи тоже справляется сносно — по крайней мере, в обществе впросак не ударит, — ответил Родни, хотя в его голосе не слышалось особого восторга.

— За два месяца он добился лишь «сносных» результатов? — герцог нахмурился. — Проявил ли он таланты в чем-то ином?

Родни задумался. Нежданный наследник казался ему заурядным — разве что в искусстве

увеливания от пробуждения он преуспел.

— Если приручение Чёрного воробья считается талантом, то да, — неуверенно произнес старик.

— А что-нибудь более... приземленное и полезное? — герцог устало потер переносицу.

— Пока ничего не обнаружено, — честно признал Родни.

— Стой, — герцог замер. — Ты сказал, он приручил кого? Чёрного воробья?

— Именно так, господин.

— Хм... — Осмонд на мгновение задумался. — Устрой на этих выходных бал. Его Высочеству пора встретиться с ним лично.

— Стоит ли приглашать генерала Филда? — уточнил Родни. — Мы ведь обещали ему аудиенцию.

Герцог постучал пальцами по столу:

— Подготовь приглашение. Остальное на тебе.

— Для меня это честь, — Родни низко поклонился и покинул кабинет.

Людвиг, разглядывая изящную карточку приглашения, усмехнулся:

— А ведь до этого дважды выставляли меня за дверь.

Ягэ, стоявший у рабочего стола, выглядел так, будто хотел что-то спросить, но не решался.

— Выкладывай, — Людвиг небрежно бросил приглашение на стол.

— Генерал, зачем вы добавили условие о «консультациях по вопросам лаборатории»? У нас ведь уже есть отличная зацепка, — недоумевал Ягэ.

— Во-первых, я уверен, что мальчишка что-то скрывает, — Людвиг откинулся в кресле. — Во-

вторых, я не хочу идти на открытый конфликт с аристократией, но это не значит, что я откажусь от возможности деликатно переманить талантливый кадр в свое ведомство.

«Так вы все-таки не оставили эту затею? „Переманить“ — это вы так изящно называете кражу?» — подумал Ягэ, но вслух ничего не сказал.

— Не думал только, что Осмонд будет так за него цепляться. Тц.

— Генерал, могу ли я сопровождать вас на бал? — с надеждой спросил Ягэ.

Людвиг насмешливо прищурился:

— Неужели на омегу засмотрелся?

— Нет-нет! — Ягэ испуганно замахал руками. — Господин генерал, не стоит так шутить. Я просто... не хочу, чтобы он повторил мою судьбу. Не всем так везет, как мне.

Людвиг улыбнулся и покачал головой. Его секретарь был во всем хорош, но порой слишком наивен.

— Не беспокойся. Мне кажется, этот парень куда хитрее, чем хочет казаться. Он точно не пропадет.

Будь у Чэн Си выдающиеся способности к механике, Осмонд уже трубил бы об этом на каждом углу. Раз вокруг тишина, значит, Чэн Си намеренно прячет козыри в рукаве. А тот, кто умеет скрывать свою истинную силу, всегда имеет шансы на успех.

— А?

— Иди готовь парадный мундир, вечером выступаем, — Людвиг спровадил секретаря и мгновенно перестал улыбаться.

Он взял ручку и принялся рассеянно чертить на листке бумаги какие-то линии. Узоры выходили хаотичными, но если бы Чэн Си увидел их сейчас, он бы вздрогнул — рисунок почти в точности повторял орнамент на капсуле, в которой он очнулся.

Рядом с узором Людвиг коротким, резким движением вывел одно слово: Лилит.

Когда Родни сообщил о предстоящем бале, Чэн Си лишь слегка удивился. Он вел себя

безупречно — ни тени сомнения, только легкая, подобающая случаю радость на лице.

Выйдя из комнаты юноши, Родни на мгновение замер у двери. То самое странное чувство вернулось — будто его самого только что просветили насквозь, как рентгеном. Это было неприятно. Старик поколебался и направился к кабинету герцога.

Подготовка к балу кипела уже три дня. Список гостей внушал трепет: от членов императорской семьи и высшего генералитета до древнейших родов Империи. Для приглашенных получить карточку от Осмондов было знаком высшего признания; для самих Осмондов этот вечер должен был подтвердить их незыблемое влияние.

Родни лично проверял каждую мелочь, сверяясь со списком.

— Почему заказанные ингибиторы до сих пор не доставлены?! — его голос прозвучал резко, заставив слугу вздрогнуть.

— Господин Родни, поставщик сообщил о небольших задержках при транспортировке. Обещали привезти всё до двух часов дня, — запинаясь, пояснил слуга.

— Сообщить мне немедленно, как только прибудут.

Учитывая непредсказуемость течек у омег и тот хаос, который они могли вызвать в закрытом пространстве, правительство Империи выдало спецлицензии лишь избранным фармацевтам на производство ингибиторов.

Официальные препараты эффективно подавляли феромоны, предотвращая «гормональную бурю» в присутствии альф. Однако у них был существенный минус: они лишь отсрочивали течку на сутки. С каждым приемом их эффективность падала, а саму течку они не блокировали.

Дело было вовсе не в техническом бессилии — технологии полной блокировки давно существовали и были отточены до совершенства. Но в эпоху, когда Империя отчаянно нуждалась в приросте населения, омега рассматривался прежде всего как инкубатор. Течка означала половозрелость, готовность производить жизнь.

Властям было плевать на чувства или планы омеги. Наступил срок — значит, пора замуж и в родильню. Радикально настроенные омеги зло шутили, что они — лишь свиноматки в золотых загонах, чья судьба — спать, есть и ждать случки.

Но спрос рождал предложение. Поскольку официальная наука блокировку запрещала, на черных рынках за баснословные деньги продавались нелегальные блокирующие ингибиторы.

Несколько лет назад звучали предложения о радикальном методе — удалении желез. Это было

сродни стерилизации: железы омеги не только вырабатывали феромоны, но и обеспечивали питательную среду для развития плода. Метод был настолько жестоким, что почти не нашел применения и со временем был предан забвению.

Разумеется, там, где были ингибиторы, существовали и индукторы — средства, провоцирующие немедленную течку. Такая течка не гарантировала фертильности, но была идеальным инструментом для манипуляций и подстав. Индукторы были строжайше запрещены, а их состав считался государственной тайной.

Впрочем, какими средствами располагали сильные мира сего в своих частных арсеналах — оставалось только догадываться.

Бал обещал быть многолюдным, альфы и омеги должны были находиться в опасной близости, и малейшая осечка в подготовке ингибиторов могла обернуться катастрофой. Родни успокоился лишь тогда, когда в час дня грузовой флаер с медикаментами приземлился во дворе.

Тщательно перепроверив маркировки, управляющий наконец выдохнул. Теперь вечеру ничто не угрожало.

<http://bllate.org/book/17454/1657993>